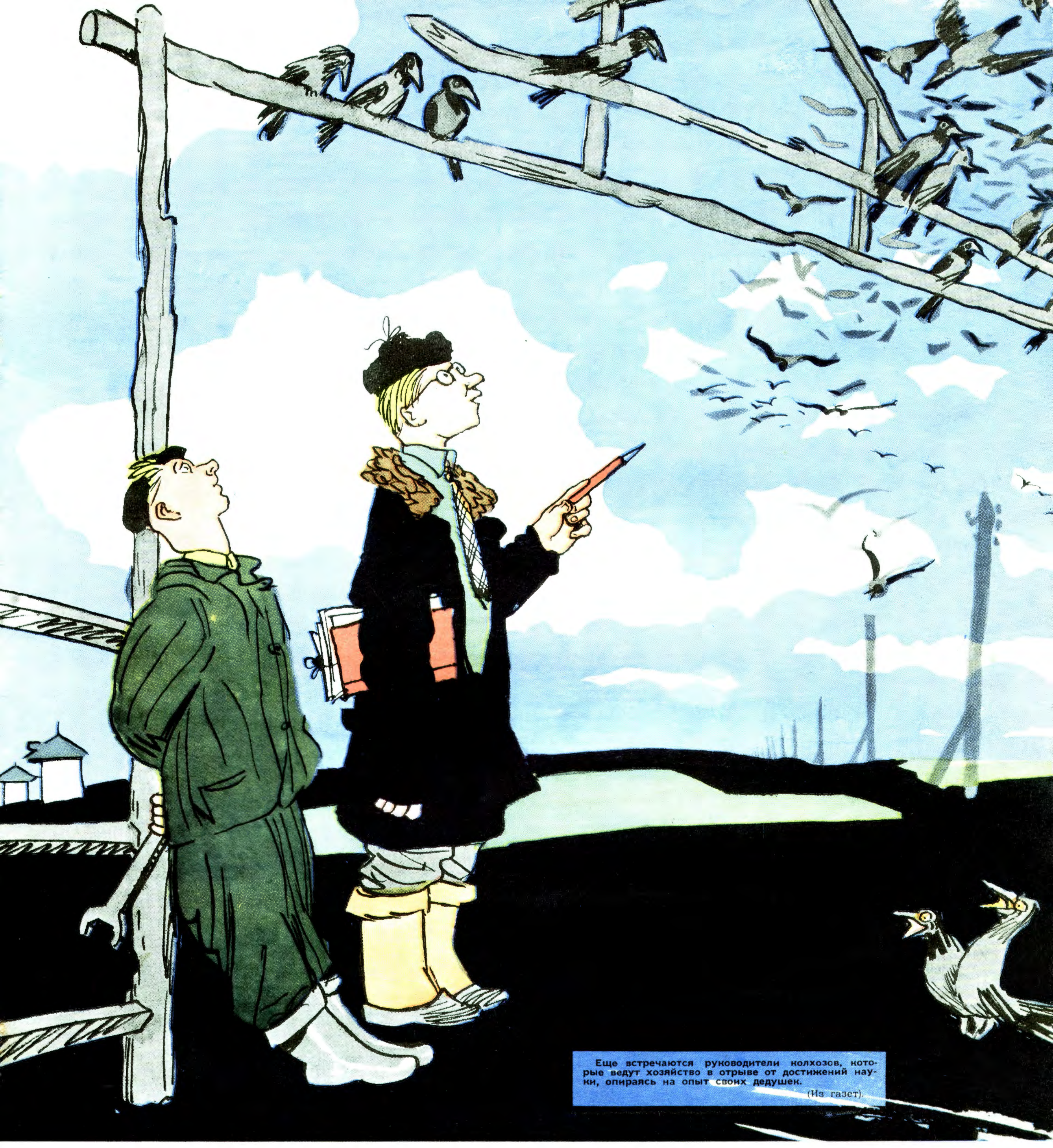

— Пожалуй, подождем сеять, что-то вороны уж больно раскаркались. Видать, к ненастью...

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

КРОКОДИЛ

МОСКВА ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» № 13 10 мая (1483) 1957 ГОД ИЗДАНИЯ 35-й ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к.

СЛУШАЛИ—ПОСТАНОВИЛИ

Сколько строк, полных желчной сатиры, сколько колючих карикатур посвятил Крокодил за свою долгую жизнь штурмовщине! Чуть ли не каждый квартал Крокодил повторял на своих страницах:

«Штурмовщина — это зло, штурмовщина — это бич!»

И вдруг, представьте себе, Крокодилу самому пришлось объявить аврал и включить весь свой творческий актив в штурмовщину.

Настоящий номер, который вы, дорогие читатели, держите в руках, был уже сверстан, как вдруг...

— И ты, Крокодил, ссылаешься на объективные причины? — возможно, заметит въедливый читатель.

Что можно на это сказать? Есть такие объективные причины, с которыми не считаться никак нельзя, приходится объявлять штурмовщину. Другого выхода нет. За одну только последнюю неделю апреля мы с вами, товарищи, были свидетелями стольких событий, больших и радостных!

Сначала объявили список лауреатов Ленинских премий. Вся страна рукоплескала первому отряду ленинских лауреатов. Мог ли Крокодил оставаться безучастным? Конечно, нет. Ну как не восхититься трудовыми подвигами созидателей первой в мире атомной станции или замечательными операциями на сердце, проведенными академиком Бакулевым?! Разве можно равнодушно читать о скоростниках — подземных и небесных: о скоростной проходке в строительстве подземных угольных шахт и о замечательном конструкторе воздушного корабля академике Туполеве, слава о котором разнеслась на весь мир с быстротой, превышающей скорость сверхскоростного самолета «ТУ-104»!

Леонид Леонов с его романом «Русский лес», Муса Джалиль с «Моабитской тетрадью», непревзойденная Галина Уланова и многие, многие другие,— как по-крокодильски расскажешь о них читателям? Хорошо бы выглядел Крокодил, если бы вздумал приветствовать героев науки, техники, литературы и искусства своими традиционными вилами!

Прошло несколько дней, и нагрянуло новое событие, не предвиденное никакой астрономической наукой.

В апреле, в ясный весенний день, начался такой обильный звездопад, какого ученые еще не наблюдали. Свыше ста золотых пятигранных звезд украсило грудь шахтеров и шахтостроителей. Семь с лишним тысяч тружеников угольного фронта в этот день были награждены орденами и медалями.

Угольные темы не чужды Крокодилу. В тридцатипятилетней его летописи они занимали видное место. И, если говорить честно, Крокодилу не особенно было по душе тыкать вилами, когда дело касалось угольщиков. Но что поделаешь, таков уж наш служебный долг! Крокодил обязан быть объективным. Как быть ему сегодня, когда вся страна радуется успехам угольщиков и их наградам? Тут надо что-то придумать. А что именно?

И снова, не успели мы толком обмозговать происшедшее, как еще одна новость:

«Награждено около тысячи спортсменов!»

Часто мы с вами, дорогие читатели, в роли болельщиков пристрастно следили за увлекательной игрой «Спартака» и «Динамо», за стремительным бегом Куца, за шахматным поединком Ботвинника и Смыслова. Мы восхищались и теми и другими и, верные своей роли, поддевали на вилы отстающих и предупреждали победителей: не зазнавайтесь. А как быть Крокодилу сегодня, когда правительство отметило героев футбольных площадок и беговых дорожек, пловцов и шахматистов заслуженными наградами?..

Видите, какие три события нагрянули за одну только неделю? Вот где они, корни нашей, ей же ей, простительной штурмовщины! Итоги этой штурмовщины обсуждались на чрезвычайном редакционном совещании. После бурных дебатов в протокол был включен такой пункт.

СЛУШАЛИ:

О присвоении Ленинских премий. О награждении шахтеров и шахтостроителей. О награждении советских спортсменов.

ПОСТАНОВИЛИ:

В ознаменование этих событий отставить на этой странице вилы несколько в сторону и поздравить от имени редакции журнала и всех многомиллионных читателей новых лауреатов, новых Героев Социалистического Труда, новых орденоносцев — шахтеров, шахтостроителей и спортсменов.

Лауреатам новым рады
Деревни, села, города.
Достойны Ленинской награды
Гвардейцы мирного труда.

Шахтеры! Все гордятся вами!
И лозунг Родины таков:
Пусть умножаются с годами
Ряды героев-горняков.

Отныне в спорте заблистали,
Да так, что видит вся страна,
И Олимпийские медали
И трудовые ордена!

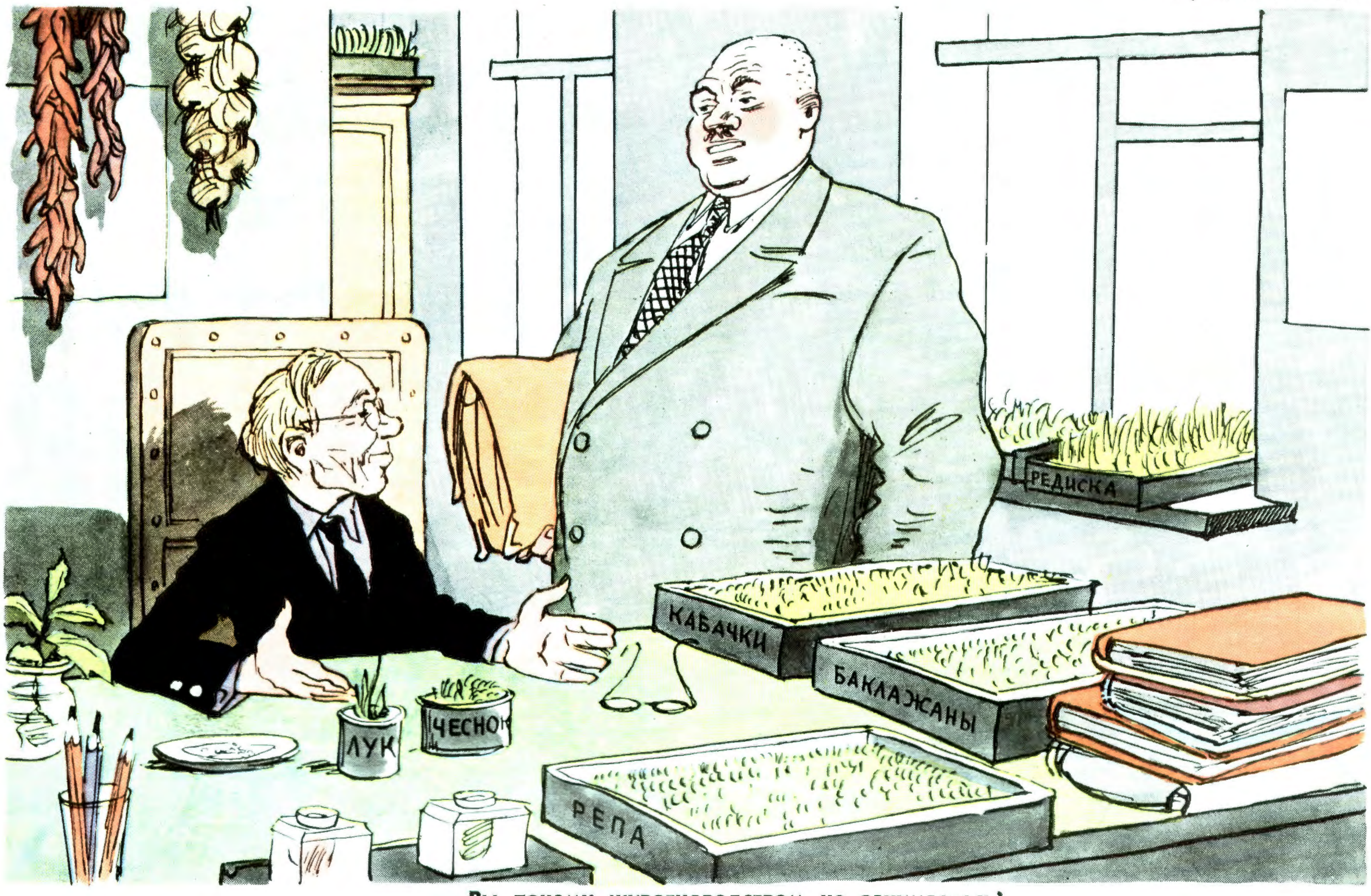
Ведомственный ревизионный аппарат непомерно велик.
(Из газет.)

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

— Придется расширить заводоуправление, а то ревизорам негде размещаться.

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

— Вы почему животноводством не занимаетесь!
— Я вегетарианец...

ЭКСПЕДИЦИИ С ДУБЛЯЖЕМ

Лицам, причастным к описанным ниже событиям, предоставляется соблазнительная возможность выступить с опровержением: автор признается, что многое он выдумал. Однако, прежде чем макать перо в чернила, следует дочитать фельетон до конца. Может быть, тогда выдуманное покажется не таким уж значимым по сравнению с фактами.

Итак, инженер «Татнефтегазразведки» в городе Казани, или техник «Гипротракторсельхозмаша» в городе Харькове, а может быть, просто сотрудник «Сибнефтегеофизики» в городе Новосибирске, приступая к утренней зарядке, говорит жене:

— Достань с антресолей чемодан и уложи в него рубашки и консервы. Весна на носу.

— Зачем консервы? — спрашивает жена.

— Затем, что я еду в экспедицию. В Ленинградскую область.

— Теперь даже на Северном полюсе имеются магазины «Гастроном», — пожимает плечами жена.

— Не спорь, — твердо говорит муж, делая приседания, — испокон веков участники геологоразведочных экспедиций берут с собой консервы и сухари. Такова традиция!

И жена покорно лезет на антресоли за чемоданом.

В это же самое время управляющий конторой «Союзгеокаптажминвода» в городе Кунцеве или начальник «Госгорхимпроекта» в Москве, обнаружив у себя в служебном кабинете только что народившуюся муху, созывает экстренное совещание.

— Товарищи, — говорит он, когда сотрудники заполняют кабинет, — скоро лето. Нам необходимо срочно заняться подготовкой геологоразведочных экспедиций и поисковых партий. Мы должны решить важный вопрос: куда ехать? В прошлом году выезжали на северо-запад страны. Может, и в нынешнем туда махнуть? Давайте ваши предложения.

И вдруг поднимается молодой, наивный сотрудник.

— В Ленинграде, — говорит он, — существует специализированное Северо-западное геологическое управление! Оно занимается разведочными, промышленными, поисковыми, буровыми и прочими геологическими работами на территории областей и республик северо-запада. Мы и обратимся к ним...

— Зачем? — недовольно спрашивает начальник.

— Чтобы они по нашему заданию провели работы.

— Зачем им проводить наши работы? — уже грозно спрашивает начальник.

— Так ведь люди на то поставлены. За это зарплату получают.

— А вы за что зарплату получаете? За то, чтобы интересы нашего министерства отдавать на съедение другому ведомству?

— Но зачем же нам дублировать?

— А может быть, это не мы, а они дублируют. В смете у нас предусмотрены средства на геологоразведочные экспедиции? Предусмотрены! Мы должны их истратить? Должны.

Здесь пора разъяснить, что автор фельетона выдумал и что он не выдумал.

Может быть, и не было разговора во время приседаний, не было мухи в служебном кабинете. Но экспедиции были. В Ленинград из Новосибирска, в Новгород из Минска, в Мурманск из Москвы, в Архангельск из Свердловска... Да мало ли еще откуда и куда!

«Гипротракторсельхозмашу» понадобилось изучить площадку Онежского завода. Объем работы всего на 43 тысячи рублей. Северо-западное геологическое управление провело бы всю экспедицию в несколько дней. Однако Министерству тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР это показалось неудобным, и оно отправило собственную экспедицию из Харькова в Петрозаводск.

Министерство нефтяной промышленности СССР имеет в Ухте несколько геологоразведочных контор и комбинатов. Но в конце прошлого года в Ухту прикатила еще одна экспедиция, из... Казани. Работники «Татнефтегазразведки» так спешили пустить на ветер миллион рублей, словно вся нефтедобыча в Татарии зависела от результатов изучения нефтяной структуры в Ухте.

Бурением скважин на северо-западе занимаются 27 различных организаций, но на подмогу им едут: из Москвы — «Промзернопроект», из Вешняков — «Продгеобурвод»...

У каждой организации свой административный аппарат, свои расходы, свое начальство. Все они дублируют друг друга, стремясь оправдать свое бренное существование. И тащится поисковая партия «Промзернопроекта» из Москвы в Псков для того, чтобы произвести работы на смехотворную сумму — в 3 тысячи рублей! А два родственных министерства — промышленности строительных материалов СССР и РСФСР — топчутся на Кольском полуострове на расстоянии полутора километров друг от друга, производя одну и ту же работу и делая вид, что друг друга не замечают...

Мы подсчитали: только на территории северо-западных областей и республик в прошлом году вели параллельные работы 148 трестов, управлений, институтов, комбинатов и контор, подчиненных 54 министерствам.

И вот опять весна! И снова начинается поисковый зуд. С антресолей снимаются чемоданы. В вагоны грузят буровые станки...

Тут-то мы и подошли к главному: не хотят министерства доверять свои интересы специализированным управлениям. Они предпочитают иметь личных геологов, с собственными консервами и сухарями. И этот факт — увы! — опровержению не поддается...

Н. ЛАБКОВСКИЙ,
специальный корреспондент Крокодила.
г. Ленинград.

ПРАВДИВЫЕ СКАЗКИ О МАЗУТЕ И СМАЗКЕ

Жили да были на станции Куйбышев дед да баба. Настало время, и ушел дед на пенсию. Стал он больше дома посиживать со своей старухой Ариной Петровной, поглядывать, как она хозяйство ведет. Да что-то не понравились ему бабкины ухватки.

— Жена, дай кружечку молока,— просит, к примеру, дед.

— Погоди, я его сначала в погреб отнесу, а потом оттуда уж тебе принесу.

— И зачем молоко сначала нужно в погреб транспортировать? — удивляется дед.

А бабка все по-своему. Вот вернулась она из магазина.

— Чего купила, Аринушка? — спрашивает дед.

— Черных ниток,— информирует бабка,— простыни наладилась шить.

— Нешто у тебя простыни черные? — дивится дед.— Или в универмаге белых ниток не стало?

— Были и белые. Да так уж получилось,— уклончиво отвечает бабка.— Ничего, Вавилыч, и черными сойдет.

Надоела деду такая бестолковщина, он и говорит:

— У меня от твоих нерациональных поступков голова кругом идет.

А бабка к критике относилась прохладно и ответила ему так:

— Сорок два года прожили — ничего. А теперь слово придумал: нерациональные! Я тоже ученые слова знаю. Чем критикой мой авторитет подрывать, съездил бы ты куда, промялся.

— Вот это дело! Поезжу по белу свету. Обратно меня скоро не жди. Помнишь, бабка, байку? «Когда глупее тебя найду, тогда вернусь»,— сказал один муж жене. Так и я сделаю.

И поехал на станцию Кряж, где работал старший сын, Фома.

ВЕЗУТ МАЗУТ. ЗАЧЕМ ВЕЗУТ!

Сын встретил Вавилыча уважительно. Выпили по сто граммов зелена вина, закусили, а потом старик спрашивает:

— Что, сынок? Какими трудовыми подвигами занимаетесь?

— А мы, папаша, на данном отрезке воду в ступе толчем.

Старик глаза вытаращил. А сын объясняет:

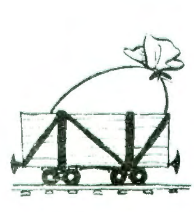
— Не дивуйся, сейчас поймешь. Раньше, например, возили мазут с Уфимской дороги в Закавказье. Это около 2 500 километров. Но потом решили не таскать больше груз в такую ужасную даль и стали уфимский мазут сливать на полдороге, в Кряже.

— Да ты бредишь, сынок! В Кряже своего мазута невпроворот!

— Своему тоже место нашли, папаша: наливают его в железны цистерны и везут опять же в Закавказье. Вместо одного длиннющего рейса два коротких получается: Ново-Уфимская — Кряж и Кряж — Закавказье. Кое-кто из воевод-начальников считает, что это — сокращение дальности перевозок, а по-нашему — очковтирательство.

Вавилыч сказал несколько несалонных слов о неразумных воеводах, к месту вспомнил свою бабку, но решил, что ворочаться к ней рановато: еще зазнается! И пустился в путь-дороженьку на станцию Бухта, где его средний сын, Ерема, работал весовщиком.

ВОКРУГ ДА ОКОЛО

— Здравствуй, сынок!—сказал Вавилыч, встретив сына.— Что это, как у вас громко вагонные колеса скрипят!

— И ты бы поскрипел, если бы заставили дурацкую работу делать. Как думаешь, что мы сегодня делаем?

— Муку возите,— метко сказал Вавилыч.— Видать и по роже и по одеже. Вишь, убелился по самые уши.

— А вот и нет. Мы левой ногой за правым ухом чешем. Не веришь? Давай поедем со мной, сам увидишь.

Подошли к мельзаводу № 1, смотрит старинушка: муку в вагоны грузят. Погрузили, взвесили на вагонных весах, бумажечки оформили, на вагоны пломбы налепили, паровоз прицепили. Ерема вскочил на тормозную площадку, туда же и старик вскарабкался. Поехали!

— А как же мы харчишек не захватили? — забеспокоился Вавилыч.

— Обойдемся, батюшка,— сказал Ерема.— Тут близко, доплюнуть можно.

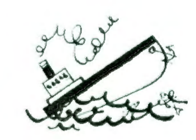
И вправду, короткий был путь — всего полтора километра. Обвезли вагоны с мукой вокруг мола, к затону подъехали. Снова взвесили вагончики, пломбы поотдирали, в документах закорючки-подписи поставили, мешки стали на баржи грузить.

— Умники! — сердито сказал Вавилыч.— Ведь от завода до затона всего сто двадцать метров. К чему еще сюда вагоны да паровозы путать и по тарифу железной дороге денежки платить? Вношу рацпредложение: поставить лоток и транспортер от завода к затону, и мешки сами к баржам побегут.

— Не морочь голову себе и людям, папаша. Уж мы и писали и говорили, что не по-умному делается, бились, да толку не добились. Видимо, начальство не желает ломать свои славные традиции. Мы так каждую навигацию муку возим. На то и «смешанные железнодорожно-водные перевозки»... Куда же ты, папаша?

— К Мите в Батраки съезжу,— ответил старик, быстро удаляясь.— Что-то мне в вашей Бухте порядки не понравились. Не лучше, чем у моей старухи.

ОТ ПОРОГА ДО ВОРОТ, А ПОТОМ — НАОБОРОТ

Станция Батраки от Куйбышева недалеко — всего в трех часах езды. Прибыл туда Вавилыч еще засветло. Сын Митя на промывке цистерн работал и попросил отца подождать, пока смена кончится. Стоит Вавилыч на пристани, смотрит, как по реке, точно черные лебеди, баржи плывут.

— Куда плывете, баржи? Чего везете, баржи?

— К вам в Куйбышев плывут,— сообщил подошедший сын. — Бакинские нефтепродукты, смазку везут. А через недельку — две она к нам обратно вернется, только уже в цистернах.

— А зачем обратно?

— Сейчас я тебе все объясню. Вот, смотри, Волга-матушка течет, и плывут по ней мимо Батраков в Куйбышев баржи. А рядом железная дорога пролегает. По ней из Батраков в Куйбышев цистерны бегут. В Куйбышеве смазку из барж в цистерны перекачают и снова к нам погонят. А мы уж их в другие места пошлем.

— А зачем такая морока? Почему бы у вас в Батраках не слить из барж в цистерны? Или техническая база не позволяет?

— База у нас лучше, батюшка. И эстакада есть, и насосная станция, и цистерны. Полчаса — и маршрут готов. А на Куйбышевской базе одно богатство — старый наливной стояк.

— Это «гусак»-то? — взял смех Вавилыча.— Да им маршрут за двое суток еле нальешь.

— Оно, конечно, так, мы сами понимаем. Да начальство не желает место перевалки менять. Видно, конторскую вывеску из Куйбышева в Батраки труднее перевезти, чем баржи и цистерны туда-сюда гонять.

Тут Вавилыч снова свою Арину Петровну и ее метод выдачи молока вспомнил. «Зря бабку охаял,— подумал он,— и бестолковее ее найдутся. Ей-то по причине слабого технического образования простительно... А не воротиться ли мне домой?»

ШИВОРОТ-НАВЫВОРОТ

В вагоне Вавилыч старого друга Трофима Игнатьича встретил.

— Сколько лет, сколько зим! Где ты сейчас трудишься и какие материальные ценности производишь, Трофимушка?

— Тружусь в Ново-Куйбышевске, от вас недалечко,— ответил друг,— а насчет ценностей суди сам. Мы сейчас нашу электростанцию переоборудуем. Систему отопления меняем.

— Давно пора! — одобрил Вавилыч.— Довольно привозным донецким угольком электростанции кормить, когда своего мазута по самые ноздри.

— Да что ты, Вавилыч! Мы, наоборот, станцию с жидкого на твердое топливо переводим. У нас в Куйбышевской области почти все станции на угле. Так и эту, чтобы была, как другие.

— А свой мазут куда деваете? В кашу его или поясницу растирать?

— Зачем? Мы его в Закавказье и в Донбасс отправляем. Там много станций на жидком топливе работает. Вот и меняемся. Таким манером за прошлый год три миллиона тонн мазута и угля местами поменялись.

— За каким же ангелом (деду уже надоело поминать черта) развели такую мену? Не дешевле было бы станции переоборудовать, чем топливо через всю державу возить взад-назад?

— И я так считаю, соседушка. Да, видно, есть в министерствах люди, что по-иному думу думают и дело по-своему вершат.

Хотел Вавилыч подробнее расспросить друга, но тут поезд остановился, и дед на перрон вышел.

Пришел он домой. Едва на порог ступил, спрашивает:

— А скажи-ка, Арина Петровна, ты, случаем, никогда не работала в Министерстве нефтяной промышленности?

— Очумел ты, старик, ездивши! — говорит бабка.

— А в Министерстве путей сообщения? А в речном порту? Тоже нет? Вот диво! По всему видать, что и там есть молодцы с твоей ухваткой.

— А теперь я тебя буду спрашивать. Что-то ты быстро воротился,— ехидно говорит старуха,— никак, уже нашел глупее меня?

— Не спрашивай,— понурил голову Вавилыч.— Я, видно, обстановку недооценивал. Твоя-то дурость местного значения и большого ущерба не приносит. А вот у некоторых других хуже получается. Так что не бойся: я с тобой разводиться не буду.

Бригада «Крокодила» и «Гудка»
Е. ЦУГУЛИЕВА и И. ЯКИМОВ

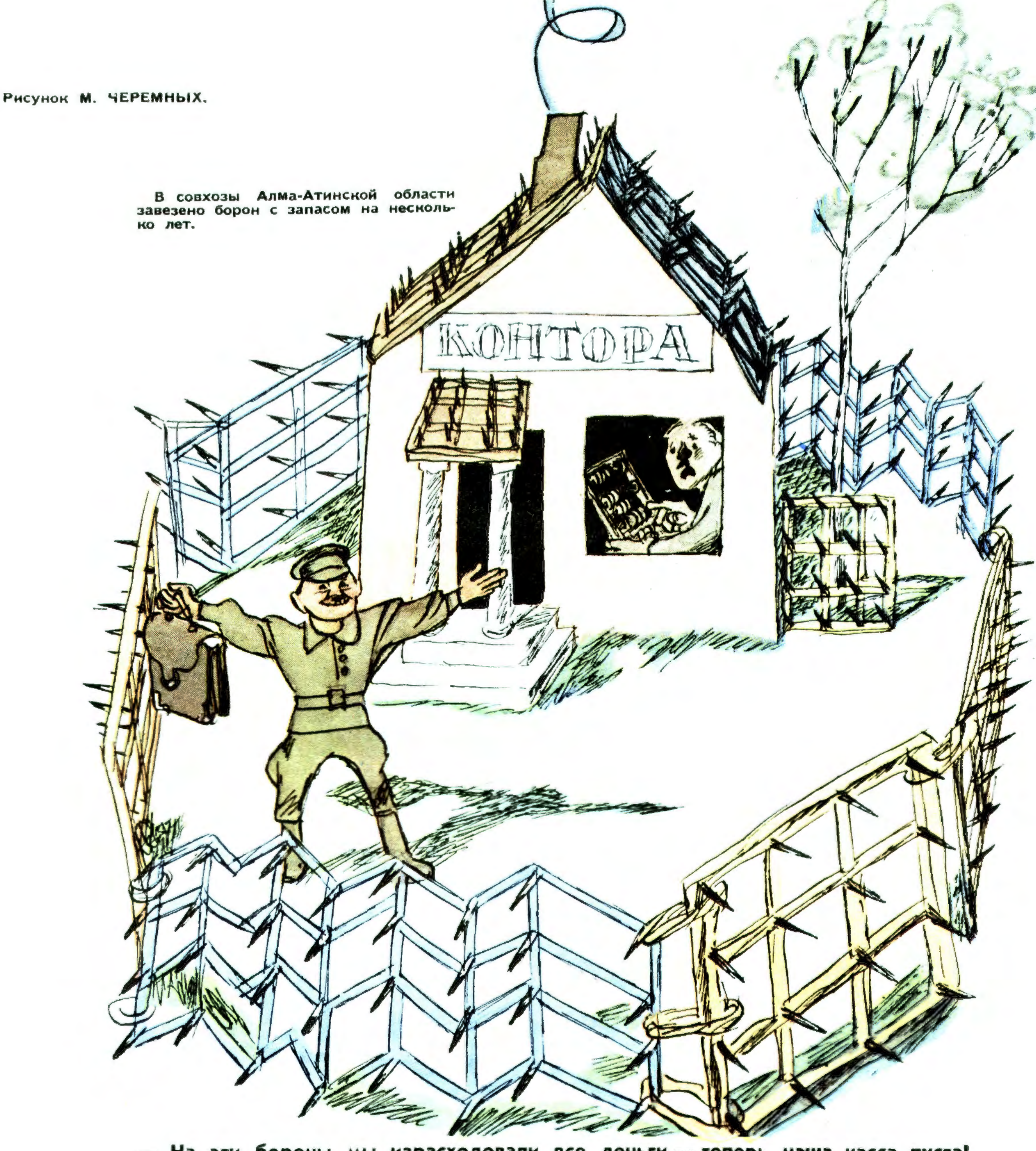

Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ.

В совхозы Алма-Атинской области завезено борон с запасом на несколько лет.

— На эти бороны мы израсходовали все деньги — теперь наша касса пуста!
— Зато какой забор получился, ни один вор близко не подойдет!

Срочный заказ

Диалог первый. В кабинете начальства.

— Я, Петр Андреич, вызвал вас по весьма срочному, не терпящему отлагательства делу. Нашим краснодарским мастерским до зарезу нужны два краскопульта. Да, да, простейшей конструкции: стальной баллон и немножко резиновой кишки. Утром звонили мне, что нашли краскопульты на заводе наших соседей. Те охотно их отдают, но... сами понимаете, им нужна санкция. Я прошу вас, сходите к соседям и попросите дать такую санкцию.

— А, может, краснодарцы своими силами изготовят краскопульты?

— Они говорят, что это дело для них очень трудное и сложное.

— Гм... Тогда я дам команду нашему хабаровскому тресту...

— Хватили! Этакую даль...

— Можно и поближе. Например, читинскому заводу. Тоже далеко? Ерунда! И не такое бывало, а на поклон к соседям мы еще не хаживали.

Диалог второй. Петр Андреич на проводе.

— Алло, Чита? Мне директора. Это Петр Андреич говорит. А вам еще одно заданьице — сделать два краскопульта для краснодарцев. Что значит за счет чего? Это — сверхплановое поручение! И архисрочное, как говорится: аллюр три креста! Ну, какая у вас погодка? У нас прямо райская: солнышко блестит, птички чирикают... идиллия! Ну, нет, работать к вам я не поеду. Далеко очень, и картошка дорогая. В случае чего на юг подамся. К пальмам!

Диалог третий. Через неделю.

— Машенька, срочно закажите Читу и проверьте, пожалуйста, как у них там с краскопультами для Краснодара.

— Я уже заказала разговор, Петр Андреич, но сегодня вряд ли дадут Читу. Очень, говорят, линия перегружена.

— А вы по срочному тарифу закажите! И вообще вменяю вам в обязанность ежедневно дважды проверять ход этого дела.

Диалог четвертый. Еще через неделю.

— Вас к телефону, Петр Андреич. Краснодар вызывает.

— А, наверное, насчет краскопультов. Неужели читинцы еще их не изготовили? Безобразие! (Берет трубку.) Алло! Привет, привет! Что вы мне голову морочите вашими паршивыми краскопультами? Сказано, ждите. (Вешает трубку.) Машенька, закажите сверхсрочный разговор с Читой и...

— Бухгалтерия не разрешает. С этими краскопультами мы за две недели полугодовой лимит телефонных переговоров съели.

— Так телеграмму дайте! Молнию в пятьдесят слов! Больше, кажется, не принимают.

Диалог пятый. Месяц спустя.

— Как же обстоят дела с краскопультами, Петр Андреич?

— Полный порядок, товарищ начальник. Уже неделя, как сделаны и отправлены пассажирской скоростью на место назначения.

— Это хорошо. А то, знаете, я краснодарцам лично обещал. И проследите, Петр Андреич, чтобы читинцы взяли этот груз под особый контроль. Если пассажирская скорость недостаточно... гм... скорая, пусть переменят тариф на экспресс. А краснодарцев обрадуйте телеграммой. Да, за моей подписью. Набросали текст? Давайте сюда. (Вызывает секретаршу.) Анна Львовна, отправьте, пожалуйста, эту телеграмму краснодарским мастерским. Как, оттуда тоже телеграмма? Должно быть, волнуются... (Вскрывает и читает вслух.) «Не дождавшись читинских краскопультов изготовили их своими силами тчк просим предписание Чите отменить...»

(Немая сцена. Начальник и Петр Андреич, выпучив глаза, смотрят друг на друга. А за открытым окном весна, зелень, щебет птичек и т. п.)

Н. ЛАРИН

Рисунок Ю. СМИРНОВА.

КРИТИЧЕСКОЕ НЕПОСТОЯНСТВО

То вознесет его высоко...

В защиту смеха

Советского, красного Гоголя нет.

Этот скорбный факт открыт, установлен, запротоколирован в печатных трудах эрудированных лиц — литературоведов и критиков.

Нет и советского, красного Щедрина.

И этот прискорбный факт отмечен, обоснован, доказан и возвещен на весь свет носителями острой критической мысли.

Исполать им! Нет у нас Гоголя со Щедриным, зато Белинский с Писаревым налицо. Так, Л. Ершов в ленинградском журнале «Звезда» с писаревским темпераментом разнес в пух и прах пятерых московских сатириков. И робкие они, и слабые духом, мало у них соли и злости, не смогли они дать «глубокий социальный разрез общества», не звучит в их книгах «оглушительный, бьющий наповал смех».

Скучно на белом свете ученым людям без Гоголя и Щедрина. Некому в наше время рассмешить их. Нет в Москве, в Киеве, в Ленинграде, в других городах и весях юмористов и сатириков. Вывелись на земле мастера и даже подмастерья смеха. Был смех, да весь вышел.

В былые времена смеялись люди, а теперь не смеются. Последних могикан эпохи смеха не найти среди живущих и населяющих землю. Где веселые, бодрые, остроумные задиры? Разве только на картине И. Е. Репина, что в Государственном Русском музее, найдете их.

Потомки славных запорожцев уже не в силах рассмешить. Какая у современных сатириков проза? Слезы! И насчет веселого стишка у них кишка тонка.

Да, есть отставание на фронте сатиры и юмора. Сатирики и юмористы не догнали и не перегнали, не достигли уровня, не встали в ранжир с девятнадцатым веком, в их рядах не видно ни творца ядовитого «Ревизора», ни автора гиперболической истории города Глупова.

Впрочем, в девятнадцатом веке тоже были трудности на сатирических и юмористических участках. Жалобы были и тогда. Жаловалась критика. Жаловалась публика. Критика и публика упрекали литераторов:

— Вы, господа, хмурые и скучные люди. Нам нужен гомерический смех, а у вас его нет. Вы не умеете смешить нас...

А. П. Чехов в своем дневнике за 1897 год отметил:

«Такие писатели, как Н. С. Лесков и С. В. Максимов, не могут иметь у нашей критики успеха (...). У петербургской публики, в большинстве руководимой этими критиками, никогда не имел успеха Островский; и Гоголь уже не смешит ее».

А. П. Чехов, видимо, имел основания сетовать и на свою судьбу.

После Гоголя и Щедрина, после Чехова что остается на долю ныне живущих и пишущих?.. Безоговорочно признать свои ошибки. Подставить повинную голову под удары критического меча. Уподобиться персонажу сатирического романа Ильфа и Петрова «Золотой теленок» Васисуалию Лоханкину, интеллигенту-непротивленцу, покорно ложившемуся на пол и подставлявшему свои трепещущие ягодицы под розги.

— Вяжите нас, секите за преступление: мы погубили смех на земле...

Но как ни виновата нынешняя сатира перед строгим судом ее критиков, она все же заслуживает некоторого снисхождения.

Осмелимся сказать, что есть даже кое-какие заслуги у современных сатириков и юмористов.

Не будем говорить о профессионалах сатирического жанра.

Коснемся сатирической самодеятельности, той, что существует далеко от Москвы, в таких населенных пунктах, которые не всегда отмечены кружком на картах.

Есть в Кировской области, в Просницком районе, город Кирово-Чепецкий.

В городе Кирово-Чепецком второй год выходит газета.

Газета как газета — таких много на советской периферии.

Газету покупают и читают рабочие люди, жители города на севере России. Читатели требуют от рабкоров:

— Бейте оружием сатиры конкретных носителей зла, высмеивайте дураков и дур, рвачей и хапуг, чиновников и бюрократов — всех, кто мешает честным советским труженикам жить, работать, учиться, отдыхать... Смейтесь над тем, что смешно!

Инженер В. П. Афанасьев попробовал свои силы в сатире. Он скромный человек и положиться целиком на свой талант не рискнул. Он начал с подражания московскому писателю Л. Лагину, автору популярной, веселой книги об арабском старике Хоттабыче и его приключениях. В. П. Афанасьев опубликовал в газете три фельетона под заголовком «Старик Хоттабыч в нашем городе».

Фельетоны говорили о досадных мелочах в быту города. Фельетонист коснулся имен работников горсовета. Ничего сенсационного не было в этих фельетонах: речь шла о канаве перед домом, где находятся детские ясли, о бродячих собаках, о снежных сугробах. Фельетонист перенес арабского старика Хоттабыча на русский север и заставил его путешествовать по улицам маленького города Кирово-Чепецкого.

Это вымышленное литературное путешествие было прервано вмешательством Просницкого райкома партии. В райкоме нашли, что старик Хоттабыч, живший три тысячи лет тому назад, во-первых, не мог воскреснуть, во-вторых, не мог сменить Аравию на Россию и, в-третьих, не имеет морального права поучать советских работников.

Фельетоны были трактованы в райкоме как плод безответственной и безыдейной фантазии. Старик Хоттабыч был изгнан со страниц газеты. Цветы невинного юмора увяли. Сие событие произошло в том краю, где был когда-то великий русский сатирик Салтыков-Щедрин. Его наследникам в сатире было строжайшим образом запрещено смешить читателей.

В городе Кирово-Чепецком был запрещен мифический Хоттабыч.

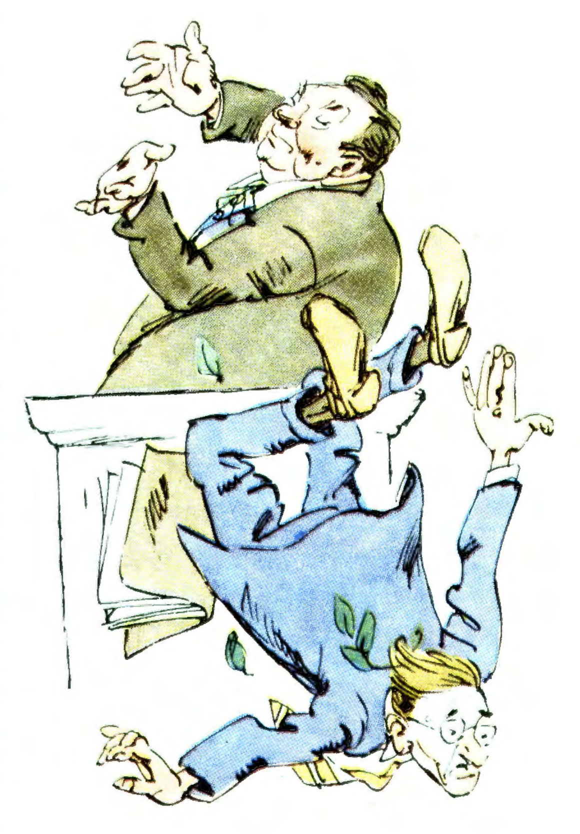
В городе Швенчёнеляй, Литовской ССР, запрет наложен на вполне реальное лицо — на советского баснописца Сергея Михалкова.

Председатель городского Совета М. И. Козловский посетил Дом культуры. В этом Доме шел концерт художественной самодеятельности. Чтец-декламатор Василий Лазарев прочел басню «Енот, да не тот». Зал был набит битком. Смеха было, пожалуй, не меньше, чем на репинской картине. Смех не понравился М. И. Козловскому. В Еноте председатель Швенчёнеляйского горсовета узрел самого себя. Заведующая районным отделом культуры тов. Алексюнене была вызвана в кабинет председателя городского Совета. Ей было категорически заявлено, что она допустила грубую политическую ошибку, разрешив читать со сцены... «антисоветские басни», вызвавшие безыдейный, вредный, порочный смех.

...Нет, не во всем правы ученые товарищи, скорбящие о том, что смех умер с Гоголем и Щедриным. Оказывается, не только Гоголь со Щедриным, но и Лагин с Михалковым в силах рассмешить народ. И не только рассмешить простых людей, но даже вызвать гнев и ярость гоголевских и щедринских вельмож и помпадуров, доживших до наших дней.

Этот факт мы покорнейше просим приобщить к солидным печатным трудам, посвященным сатире и юмору.

И. РЯБОВ

...то бросит в бездну без стыда.

Леонид ЛЕНЧ

Трудная служба

Дежурство протекало тихо, спокойно, без чрезвычайных происшествий и крупных неприятностей. С улицы в отделение приводили только пьяных, но и пьяные в этот день попадались какие-то странные — вялые, смирные. Они не буянили, не сопротивлялись, а лишь кротко глядели на милиционеров и на младшего лейтенанта Говоркова очумелыми глазами да несли всякий вздор. Предвкушая простую радость успешного завершения дежурства, Говорков уже представлял, как он, не торопясь, радуясь весеннему солнышку, пойдет домой пешком, как купит в «Гастрономе» две бутылки жигулевского пива и, пообедав, со спокойным сердцем завалится спать. И вдруг за дверью послышались возбужденные голоса, потом дверь распахнулась, и в дежурку шумно ввалились: жена Говоркова Ольга Ивановна, постовой милиционер Курпеев и неизвестный мальчишка лет десяти — двенадцати, без шапки, в растерзанном и измазанном до невозможности пальтишке. Курпеев крепко держал мальчишку за руку.

Ольга Ивановна, высокая, полная женщина с клюквенно-румяным, широким, как суповая кастрюля, лицом, подошла к барьеру, за которым стоял стол дежурного, и сказала, бурно дыша и очень волнуясь:

— Товарищ дежурный, я к вам не как законная жена, а как незаконно потерпевшая... И попрошу со всей строгостью через малолетнюю комнату... Или как там у вас полагается... И поимей в виду, Павел,— вот при Курпееве тебе говорю,— если ты его, хулигана этакого, не проучишь как следует, лучше даже и домой не приходи!.. И заявляю это вам официально, товарищ дежурный... И попрошу записать в протокол дознания!..

Говорков слушал все это с обычной при его домашних объяснениях со своенравной и необузданной женой гримасой страдальческого нетерпения на добродушном солдатском лице, но потом взял себя в руки, скулы его окаменели, и он произнес строгим, протокольным голосом:

— Гражданка Говоркова, помолчите немножко, дайте разобраться.

— Я и говорю: разберись!.. И со всей строгостью!.. А то никакого уважения... И даже совестно перед соседями... И попрошу записать в протокол!..

— Ольга! Я же сказал!

— Что Ольга?! Что сказал?! Я правду говорю! На дворе такая моральная распущенность... И милиция тут же живет... И не принимает никаких мер... И вот дождался, поздравляю!.. И попрошу записать в протокол.

— Тьфу, скаженная! — Говорков даже плюнул с ожесточением и поднялся из-за стола.— Гражданка Говоркова, кто вы, наконец: женщина или пулемет? Садит и садит! Курпеев, в чем дело?

— Не знаю, товарищ младший лейтенант! Я на посту стоял... Вдруг вижу: идут Ольга Ивановна (тут милиционер тонко, едва заметно усмехнулся) и этого вот (он кивнул на мальчишку) тащат за руку. Проводи, говорит, меня, Курпеев, к Павлу Степановичу, а то я боюсь, как бы малолетний бандит при попытке к бегству не причинил мне инфаркта!.. Я не стал расспрашивать, подумал: семейное!..

Мальчишка, глядя на носки своих стоптанных башмаков, жалостно сопел. Говоркову ничего не оставалось, как обратиться к разгневанной супруге:

— Ну, говори... Говорите, гражданка, что случилось?!

— Стекло у тебя в комнате чуть не высадили. Из рогатки. Я его на месте преступления словила. И рогатку отобрала, как вещественное доказательство!

Ольга Ивановна достала из кармана бордового демисезонного пальто нехитрый инструмент с резинкой — жалкое подобие той грозной пращи, из которой маленький храбрый Давид сразил, как уверяет библия, великана Голиафа,— и положила на стол мужа.

— Вот!.. И попрошу приобщить к протоколу!

— Обожди ты с протоколом. Чей он?

— Из сто первой квартиры. Волосова, диспетчера с автобазы, сынок, Витькой звать. Я все узнала!.. И родителей надо оштрафовать за его хулиганство... Чтобы уважали!.. И попрошу...

— Ладно, помолчи!.. — Говорков сдвинул белесые брови и грозно, всем корпусом повернулся к несчастному Витьке Волосову:

— Почему хулиганишь, отвечай?!

Не поднимая головы, преступник продолжал сопеть — крепился изо всех сил, чтобы не разреветься.

— Ну! Говори!

— Я не хулиганил. Я, дяденька, не... в ваше окошко... Я в кота целил!

— В какого такого кота?!

— В кошачьего. Рыжий он. И даже вовсе не с нашего двора!

— Тем более хулиганство! — строго сказал Говорков и прибавил наставительно: — Ты ученик, ты в школе, небось, проходил, что кот, равно как и собака, есть полезное домашнее животное. Правила внутреннего распорядка не возражают против проживания котов в домах местных Советов. Его, беднягу, может, выпустили по надобности... подышать свежим воздухом. А ты его за это... из рогатки?!

— Дяденька, он не дышал, он к белой голубке подбирался!

— Пускай даже подбирался! Он в прошлом — хищник, а ты — человек... ну, не совсем еще, а все ж таки полчеловека. Видишь — подбирается, сделай ему предупреждение... крикни или там ногой топни. А уж потом... пресекай!

— Дяденька, он же уже бросался на нее! А эта голубка не простая...

Ольга Ивановна не выдержала и вмешалась в допрос, который велся, как ей казалось, слишком либерально.

— Не простая, а золотая! — пропела она с высокомерной издевкой в голосе. И с новой страстью набросилась на Говоркова:— Что ты его слушаешь?! Ты протокол пиши! Из-за его облезлой полукурицы мы чуть стекла не лишились!

Витька Волосов зло сверкнул на нее глазами.

— Облезлая полукурица! Много вы понимаете в голубях! Я эту пару к фестивалю готовлю!

Услыхав слово «фестиваль», Говорков и Курпеев многозначительно переглянулись, и догадливый Курпеев сказал нейтральным тоном, как бы между прочим:

— К фестивалю многие ребята готовят голубей! Потребуется большое количество... Так что даже поощряется!..

— Стекла бить? — спросила его Ольга Ивановна с той же высокомерной издевкой.

— Дяденька, я же не нарочно! — тотчас захныкал Витька Волосов, почувствовав поддержку представителей административной власти,— я же в стекло не попал. И в кота тоже не попал. И я извиняюсь, дяденька! За что же она меня... в милицию?!.

— А давай его, в самом деле, простим на первый раз, Оля,— вдруг решительно сказал Говорков,— я хулиганства злостного не усматриваю в его действиях. И тем более тут... фестиваль...

Клюквенно-красные щеки Ольги Ивановны стали зловеще-бордовыми, как ее пальто.

— Если бы не я, от тебе, дурак, не стекло, а авторитет бы выбил! — сказала она, срываясь на визг.— Соседи смеются!.. На двор выйти невозможно... А ты — прощаешь?! Не согласна!.. И попрошу записать в протокол!..

— Да ты пойми: фе-сти-валь!

— Ухватил слово и повторяет, как попка: фе-сти-валь, фе-сти-валь!

Скулы у Говоркова снова окаменели.

— Попрошу не кричать в служебном помещении, гражданка Говоркова. И попрошу выйти... А то ведь можно и с применением силы, если вы такая отсталая.

Ольга Ивановна с недоумением посмотрела на мужа, но все же круто повернулась и пошла к дверям. Потом остановилась и произнесла с угрозой и очень торжественно:

— Ну, хорошо, я пойду! Вернешься домой, будет тебе фестиваль!..

Она ушла, и в дежурке воцарилась тяжелая тишина.

— Да-а-а! — протянул наконец смущенный Говорков, ни к кому не обращаясь,— а ведь есть на свете и такие жены, которые вникают... в политический момент... и сознают. Трудная у нас с тобой все-таки служба, Курпеев!..

— Нелегкая, товарищ младший лейтенант!..

— Дяденька, а что мне теперь делать?!— проныл Витька Волосов.

— Домой идти! — рявкнул на него Говорков. — Безобразничаете на дворе, а потом из-за вас... отдувайся. Марш отсюда!..

Витьку как ветром выдуло за дверь.

...Дежурство, собственно говоря, уже кончилось, но идти домой Говоркову почему-то не хочется. Какой там обед, какое пиво?!. Придется сегодня обедать одному, в столовке, и потом коротать время до вечера. Но и вечером, видать по всему, не миновать семейной баталии.

ВИЛЫ В БОК

КАШИРСКИЕ ИЗЫСКАТЕЛИ

В течение многих десятилетий никому не приходило в голову, что песок можно добывать прямо на пляжах. Это открытие принадлежит бывшему директору каширской конторы «Мосшахтостроя» Семену Кузьмичу Кеменеву. В предельно сжатые сроки он высосал земснарядами весь песок с двух пляжей в подмосковном городе Кагановиче. Его преемник на директорском посту В. Ф. Дубовицкий продолжает дело Семена Кузьмича. В настоящее время он приступил к ликвидации третьего, последнего пляжа.

Развивая идею каширских изыскателей, мы, со своей стороны, предложим добывать песок на железнодорожных насыпях, на игровых площадках яслей и детсадов и из пожарных бочек.

А еще из песочных часов. Песочек хоть и не строительный, зато добывать легко: раздавил часы — и, пожалуйста, подставляй тару!

ЗОЛОТАЯ СОЛОМА

Солома не дефицитный товар! Воз соломы, кус сахара — цена одна, говорили наши предки. Ныне сравнение это несколько устарело. Директор птицесовхоза «Алексеевский» тов. Щербаков сделал все возможное, чтобы стебель обмолоченного хлеба стал дорогостоящим товаром. Директорский эксперимент блестяще удался. Объясняется это тем, что Щербаков предложил оптовым покупателям яиц привозить для упаковки свою солому. Дескать, в Тульской области ее негде достать. И вот уже смоленские инкубаторные станции гонят по железной дороге солому в Тулу.

Нетрудно представить себе, во сколько обходятся такие перевозки. Хорошо еще, что директор не предлагает возить сухой стебель на «ТУ-104» или кружным морским путем — по маршруту Ленинград — Одесса — Тула.

ВСЕМ ДОСКАМ ДОСКА

Представление архитектора сахалинского города Холмска тов. Деревянко о досках почета несколько отличается от общепринятых взглядов на сей предмет. Он мыслит их в другом аспекте. И властью, данной ему его положением, он смело проводит свои взгляды в жизнь.

Сейчас в Холмске суетятся каменщики и землекопы, стремясь воплотить в камень архитектурные дерзания Деревянко. В городе сооружается грандиозная, великолепная, изумительная доска почета.

Это поистине Доска с большой буквы!

Для нее уже сейчас вынуто 127 кубометров земли. В скором времени потребуется несколько тысяч шлакоблоков. Высота архитектурного чуда составит 6 метров, а длина — все шестнадцать. Стоимость доски почета примерно 180 тысяч (сто восемьдесят тысяч!) рублей.

На средства, ухлопанные здесь, можно было бы с успехом построить десяток индивидуальных домов.

Доска еще не готова, но от жителей города уже поступило предложение: поместить в центре ее портрет тов. Деревянко.

ПОДБЕРЕЗОВИКИ

Рисунок К. РОТОВА.

НОВЕЛЛА О ФИЗИЧЕСКОЙ ЛОВКОСТИ

Одного пожилого специалиста, который собирался поступить на Одесский судостроительно-судоремонтный завод, спросили:

— А как у вас обстоит дело с физической ловкостью?

— Не понимаю,— ответил он.— Какую именно ловкость вы имеете в виду?

— Такую. Обыкновенную. Умеете ли вы проползать под железнодорожными составами, а также вскакивать на площадки движущихся вагонов с одной стороны и выскакивать с другой?

Поскольку пожилой специалист продолжал недоумевать, его повели для наглядного объяснения к воротам завода. И вот какую картину он там увидел. Перед самыми воротами проходят железнодорожные пути. И тут же колонка, где паровозы набирают воду. В общем, очень оживленное движение товарных составов. А посреди этого движения демонстрируют свою физическую ловкость судостроители, поспешающие на завод к началу работы.

— Позвольте! — воскликнул изумленный гость.— Неужели нельзя построить здесь пешеходный мостик через пути? Или, на худой конец, перенести подальше от ворот паровозную водяную колонку?

— Увы,— ответили ему.— Никто об этом не желает позаботиться: ни Управление Одесской железной дороги, ни горисполком, ни хозяин завода — Министерство морского флота. А, между прочим, тут уже было несколько несчастных случаев. Так что вопрос о физической ловкости...

— Нет, знаете,— сказал пожилой специалист,— я пока воздержусь.

И он воздерживается. Ожидает построения мостика или перенесения водоразборной колонки. А судостроители по-прежнему занимаются рискованной «физкультурой» на железнодорожных путях...

С подлинным верно

ЮРИДИЧЕСКИЙ КЛАСС

Прокурор Икрянинского района, Астраханской области, юрист 1-го класса тов. Сарсеналиев прислал гражданину Р. следующее официальное отношение, которое мы приводим с сохранением всех особенностей стиля и орфографии:

«На Ваше заявление разъясняю, гражданка Е. имеет права стоят в зарегистрированном браке с другим человеком, состоя в зарегистрированном браке с Вами. Обязать ее расторгнуть брак с Вами не имею права. Это дело каждого супруга».

Прочитав это, каждый поймет, что прокурор Икрянинского района — человек самых широких взглядов, демократ до мозга костей. Сомнительно лишь одно: действительно ли он юрист 1-го класса?

РОГАНОВ ПИШЕТ...

Если любой приказ, собственноручно написанный Михаилом Семеновичем Рогановым—председателем Казалинского райпотребсоюза (Кзыл-Ординская область),— прочесть вслух, вместо нормальной человеческой речи получится что-то невразумительное:

«Зам. глав. буха т. Ф. Сон за систематический обман руководства выращивают в том, что он после обеда опаздал на работу и это моремновал тем, что был в госбанке на вопрос сколько просрочка ответил полтора миллиона рублей досрочена просрочка составляла 1.860 тыс. руб., по этому его от работы отсстропить».

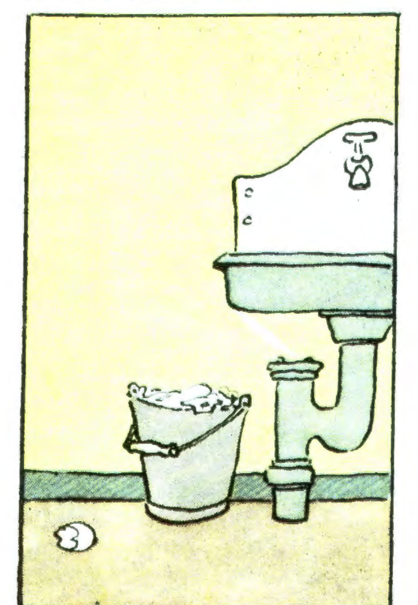
«...бухгалтера поличественного учета тов. Ким А. уволить по сотбственному райпотребсоюзу».

«Ученицу торготдела тов. Никиферовой за систематическое неправдивость выразывшейся в том, что... уволить с работы».

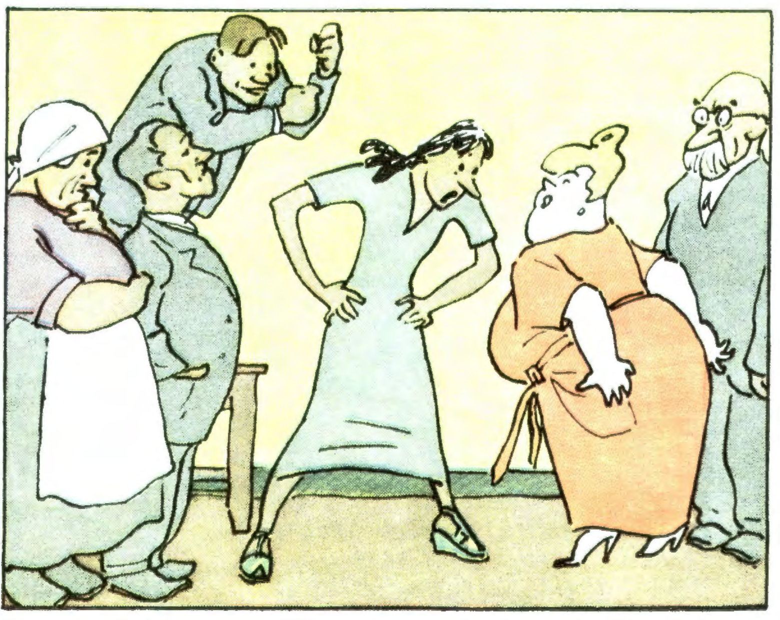
Производя смелые эксперименты над языком, тов. Роганов вместе с тем смело экспериментирует и над живыми людьми, заставляя их проделывать номера, недоступные простым смертным. Так, он распорядился ни в чем не повинного сторожа **«пропустить через врача на предмет определения его здоровья и проинструктировать его от обязанностей сторожа».**

Говорят, что человек — это стиль. А поскольку стиль тов. Роганова, скажем прямо, неважнецкий, куда полезнее было бы, вместо того чтобы пропускать сторожа через врача, пропустить самого председателя через курсы ликбеза.

И ТАК БЫВАЕТ...

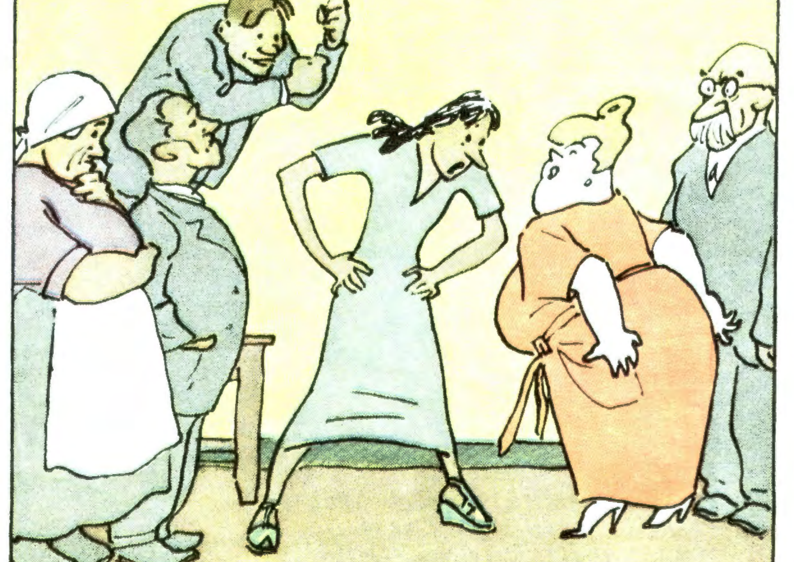

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

О выеденном яйце.

Реплики тети Паши

Прасковья Емельяновна никогда не была за границей, она не знает иностранных языков и вообще ничем не знаменита. Но тетю Пашу знают во многих странах мира.

— Гуд дей, тетя Паша! — здороваются с ней иностранные моряки на английском языке.

— Наместе, тетя Паша! — приветствуют ее индийцы.

— Бона сера, тетя Паша! — говорят ей итальянцы.

— Сера-бура! — шутя отвечает им тетя Паша и добавляет по-русски: — Добрый вечер!

Тетя Паша — уборщица, пожилая простая женщина, неутомимый страж порядка, чистоты и уюта в Одесском интернациональном клубе моряков. У нее острый глаз и мягкий природный юмор.

Если тетя Паша сидит в сторонке и ее глаза ясны и спокойны, значит, сегодня все гости милы ее сердцу и никаких происшествий не предвидится. Но если глаза тети Паши строги и она укоризненно покачивает головой, значит, среди гостей присутствует мастер заварить кашу. Чего там греха таить: тетя Паша не каждый вечер остается довольной гостями.

Она цветет, когда во всех залах клуба царит порядок и чистота, когда конфетные бумажки и пачки из-под сигарет бросают только в урны, а окурки — в пепельницы. Но вот в те вечера, когда в Интерклубе гостят моряки, воспитанные в американском духе «модернбедлам»,— тут уж тетя Паша не выдерживает:

— Ну и культура! Не у батька ли Махна вы воспитывались?

Как-то Интерклуб посетила группа моряков с английского судна «Вайпау». Среди них выделялся странным поведением самый молодой матрос. Он настороженно относился к каждому слову, ко всему приглядывался, ко всему относился с недоверием. Во время экскурсии по городу держался обособленно, заглядывал во все переулки и тупики. Оказалось, не искушенного в политике парня так нашпиговали болтовней о «русском железном занавесе», что он поверил в его физическое существование. Вот он всюду и выискивал этот занавес из листовой брони или хотя бы из стальных сетей.

Не найдя ничего подобного, он под общий смех своих товарищей заявил:

— Чепуха! Никакого занавеса, даже тряпочного, я не видел!

Когда об этом узнала тетя Паша, она улыбнулась и вставила свое словцо:

— Чудак человек! Железный занавес только вчера поставили в окне нашей кухни, чтоб мухи не летели.

Нередко бывают и такие курьезы: наслушавшись вранья, что в Советском Союзе люди ходят чуть ли не раздетыми, что в магазинах одни лишь бутафорские изделия и манекены, доверчивые простаки на последние шиллинги скупают разное старье и везут его в советский порт с надеждой сделать на этом свой небольшой бизнес. Конечно, этот товар им не удается сбыть даже за бесценок, и тогда они отпускают по адресу западных вралей такие соленые словечки, от которых покраснели бы даже одесские биндюжники периода нэпа.

Однажды какой-то иностранный моряк предлагал работнику Интерклуба купить старый, измазанный маслом галстук. С этим же предложением он атаковал и тетю Пашу.

— Поздно, мил человек: старьевщики по утрам ходят,— отрезала тетя Паша и добавила, протянув моряку пятерку: — Возьми уж да опохмелись...

Долгое время тетю Пашу беспокоило то обстоятельство, что многие гости, особенно моряки из Италии, Греции и других теплых стран, в морозные ветреные дни приходят в Интерклуб, согнувшись, в одних костюмах, с поднятыми воротниками и без головных уборов.

— Ну как можно? Зуб на зуб не попадает, а они по-летнему! — ужасалась тетя Паша.

Но вскоре она успокоилась. Иностранные моряки стали покупать себе наши шапки-ушанки. А теперь это стало правилом для всех моряков. Первым делом в Одессе покупается шапка как вещь, необходимая на море, а заодно и как экзотический сувенир.

Вот и сейчас, несмотря на то, что в Одессе цветет май, греки и итальянцы пришли в Интерклуб в только что купленных шапках. Они с удовольствием разглядывают свои головные уборы и объявляют:

— Теперь нам русский мороз не страшен.

Тетя Паша улыбается:

— Майский мороз не выдавит слез.

Впрочем, иностранные моряки покупают в Одессе не только шапки. Большим спросом пользуются у них наши спички, черная икра, электрические плитки и утюги, фотоаппараты, гитары, патефоны, пылесосы.

Покупая все это, они не скрывают перед работниками Интерклуба своих замыслов:

— У вас купим дешево, в Ливерпуле продадим дорого. Бизнес!

Тетя Паша слово «бизнес» переводит по-своему:

— Заграничная спекуляция.

Не говоря уже о киносеансах, концертах, вечерах самодеятельности, экскурсиях, Одесский интерклуб часто организует между иностранными моряками встречи на футбольном поле, на ринге, шахматные и бильярдные турниры. Но бывает и так, что моряки западных стран устраивают соревнования за буфетной стойкой.

Однажды, по свидетельству тети Паши, шесть норвежских моряков выпили тринадцать бутылок водки и четырнадцатую разбили об голову собутыльника за то, что он непочтительно к ним отнесся. А в другой раз десять английских матросов выпили двести бутылок пива.

— Утопнуть можно,— сокрушается тетя Паша.

Она очень недовольна состязаниями подобного рода. После них нередко приходится вызывать «Скорую помощь» или милицию, а иногда и то и другое...

Впрочем, не всегда остаются довольны Интерклубом и некоторые гости. Один почтенный капитан в дружеской беседе с директором Интерклуба сказал:

— Все у вас очень мило, одно плохо — нет женщин.

А другой офицер заявил в порядке официального протеста:

— Пока ваш клуб будут посещать цветные, ноги моей здесь не будет.

— Воля ваша,— корректно ответил ему директор.

Офицер хлопнул дверью и покинул клуб.

— Попутного ветра,— пожелала ему вслед тетя Паша.

Вот и все претензии. А тысячи иностранных моряков — и белых и «цветных» — во всех концах света вспоминают свой клуб в Одессе только добрым словом. Здесь они чувствуют себя как дома; здесь они выучили и впервые произнесли русские слова «оччень карачо» и «спа-си-бо».

И. ГАЙДАЕНКО

г. Одесса.

Иллюстрации **Е. ГОРОХОВА.**

ГОЛОС АМЕРИКИ

Рисунок Ми Гу из газеты «Дружба».

— Дорогие радиослушатели, разве вы не слышите звуки пощечин! Это ссорятся Москва и Пекин... Это истинная правда...

КОГДА ДИРИЖИРУЮТ ДИРИЖЕРОМ

Американское агентство Ассошиэйтед Пресс сообщило недавно из Нью-Йорка о сольном выступлении немецкого дирижера Георга Зольти. Корреспондент Ассошиэйтед Пресс попросил Зольти высказать мнение о современной музыке и, в частности, о творчестве Д. Д. Шостаковича.

«У него огромный талант, но он не свободен,— вздохнув с притворным сочувствием, сказал господин Зольти.— Я слышу в его музыке его собственные мысли, а также музыку, которую ему предписывают сочинять».

Этого господину Зольти показалось мало, и он добавил:

«В России ему приказывают писать музыку для народа. Моцарт никогда не писал музыку для народа. Когда вы это делаете, получается всегда плохо. Народ должен подняться до уровня музыки».

Но даже и на этом разговорчивый дирижер не смог остановиться и, пролепетав какие-то жалкие слова об «ограничениях, навязываемых творческому воображению Шостаковича советской идеологией и доктриной коммунистической партии», он закруглился таким образом:

«Я надеюсь, что Шостакович когда-нибудь найдет свободу».

Корреспондент «Крокодила» обратился к Д. Д. Шостаковичу с просьбой прокомментировать все эти категорические заявления. Дмитрий Дмитриевич весело рассмеялся:

— Я не знаю Георга Зольти как дирижера, но думаю, юморист из него не получился бы. Никакого чувства юмора!

Действительно, как можно приказывать сочинять музыку? Господин Зольти, видимо, представляет себе мою работу так: из Кремля раздается телефонный звонок, я поднимаю трубку и слышу: «Товарищ Шостакович, здравствуйте. Напишите, пожалуйста, к понедельнику ораторию в целях поднятия производительности труда лесорубов. А ко вторнику — симфонию на водопроводные темы. А к среде — автодорожную кантату. Всего наилучшего!»

Господин Зольти даже слышит, как мне диктуют. Он слышит в моей музыке еще одну музыку, которую мне «приказывают писать». Иначе говоря, он слышит в моей музыке то, чего я сам в ней не слышу! Завидный слух, прямо-таки сверхъестественный!

Георг Зольти выступает против музыки для народа. Он пытается отлучить от народа великого Моцарта. Я хорошо представляю себе, что сказал бы великий композитор, услышав развязные сентенции господина Зольти по своему адресу. И я хорошо представляю себе, что́ сказал бы Моцарт, узнав, что сегодня его жизнелюбивые мелодии перекрываются в Соединенных Штатах непристойным какофоническим визгом «буги-вуги» и «рок-энд-ролла», этой кабацкой музыкой, этими ритмами истерики и вырождения.

Если господин Зольти недоволен тем, что советские композиторы пишут для народа, то мы ничем не можем ему помочь. Так было, так будет.

И, наконец, о свободе. Свобода свободе — рознь. Георг Зольти предпочитает свободу разменивать талант на мелкую и фальшивую монету эстетских вывертов. Это — его частное дело. Мы предпочитаем другую свободу — свободу служения народу. А вот этой свободы у Зольти нет.

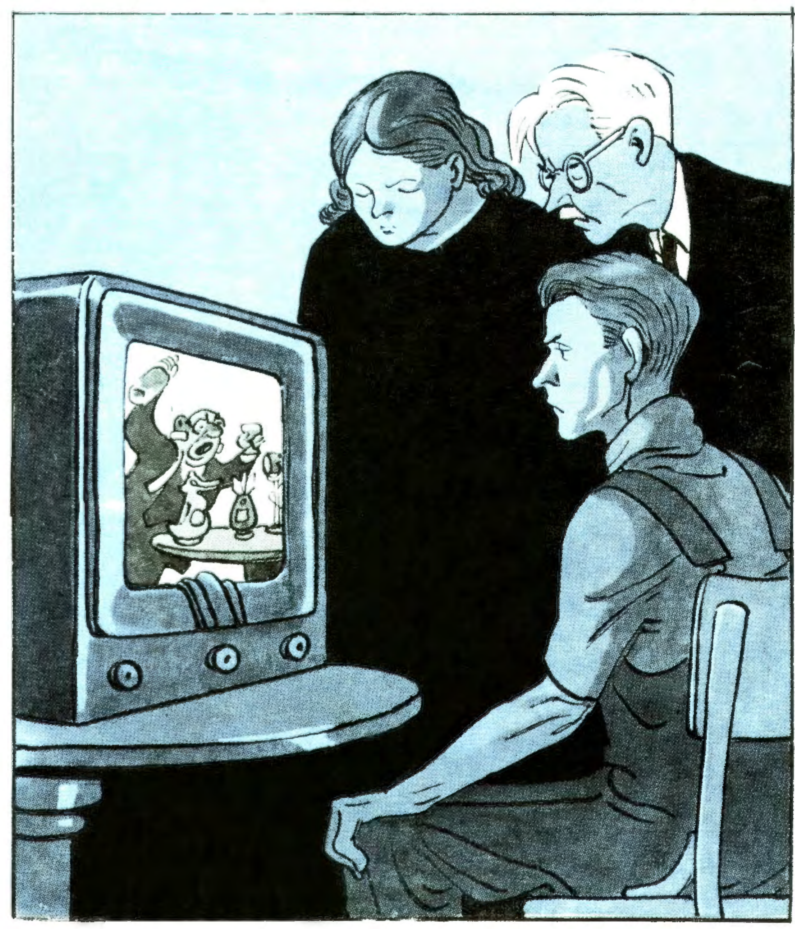
Не буду благодарить господина Зольти за его «заботу» обо мне. Честное слово, не стоит она благодарности!

Мне кажется,— заметил в заключение Дмитрий Дмитриевич,— что в данном случае мы имеем дело с очень любопытным превращением. Не Зольти дирижировал, а им самим дирижировали! Что ж, у них там «свободный мир», и Зольти свободно сдал себя в наем. Зрелище далеко не эстетическое, но все же поучительное. А в общем, очень немузыкальное интервью дал господин Зольти. Ни такта, ни чувства меры. Слух режет!

ДО ПОТЕРИ СОЗНАНИЯ

Рисунок Ю. ГАНФА.

— После такого коктейля от него трудно ожидать трезвых речей!

Произношение г-жи Мейер

Доктор Хиггинс, герой пьесы Бернарда Шоу «Пигмалион», определял происхождение людей по их произношению. Приведись ему послушать г-жу Агнес Мейер, он моментально установил бы, что эта почтенная дама является членом вашингтонской «Ассоциации современного языка». И доктор Хиггинс не ошибся бы.

У членов почтенной ассоциации своя, особая, неповторимая манера говорить о некоторых странах мира. Например, об Индии.

Как заявила некоторое время назад на заседании упомянутой ассоциации г-жа Агнес Мейер, «вся наша концепция гуманности является чуждой для индийского склада ума, так как в языке индийцев нет такого слова, как «гуманность».

Доктор Хиггинс не ошибся бы и насчет общественного положения г-жи Мейер. Герою Бернарда Шоу достаточно было бы просмотреть несколько номеров газеты «Вашингтон пост энд Таймс геральд». Ведь г-жа Агнес Мейер — супруга председателя совета директоров этой газеты и как верная жена исправно повторяет то, что пишет ее муж.

А уж «Вашингтон пост энд Таймс геральд» никак нельзя обвинить в симпатиях к идеям мира и дружбы между народами!

Оба супруга дружно говорят с антииндийским акцентом. Налицо завидная семейная идиллия.

Александр ДЕЙЧ

Андернахские колокола*

Место действия: кабинет одного западногерманского кинопромышленника.

— Возьмите с собой, Нивиц, всю эту груду макулатуры и отошлите ее авторам. Но в этой навозной куче есть одно подозрительное сочиненьице — сценарий биографического фильма о Гейне. Этак, знаете, все драматично: революция, единство Германии, критика начальства. Есть даже песня ткачей или что-то в этом роде. «Германия, саван тебе мы ткем» — прямо уголовщина какая-то. Надо бы сообщить куда полагается... А, черт, целый день этот трезвон!.. Алло, слушаю вас! Это вы, Нульпе? Успех у публики? Иначе и быть не могло! Еще бы, столько кинозвезд! Борше в роли ревнивого убийцы и Роми, его многострадальная возлюбленная. Можно было надеяться... Спасибо, Нульпе, спасибо. Пока!

Так вот, Нивиц... Позвольте, зачем я вас вызвал? Ах, да! Разумеется, вовсе не для того, чтобы рассказывать о Гейне. Познакомьтесь-ка лучше вот с этим сценарием. Нечто совершенно новое, небывалое, настоящий гвоздь сезона! Тут вам всё: и родина, и общественная жизнь, и политика, и любовь, и бравурные марши, и народные песенки. И тема, я вам скажу, актуальная, очень актуальная!

Начинается с того, что молодая американка — этакая, знаете, грудастая, в шерстяном свитере — катит на шикарном «кадиллаке» меж немецких полей, наслаждаясь мирной природой. Хорошо бы нам заполучить для этой роли Монро, но она дорога, слишком дорога, Нивиц. Кюккельман согласилась бы сниматься за полцены. Или, может быть, рискнем взять Сару? Что значит слишком стара, Нивиц, посмотрите-ка на нашего канцлера...

Итак, «кадиллак» плавно скользит среди экономических чудес Германии; из радиоприемника несутся звуки джаза; дама небрежно закуривает... Сюда, может быть, воткнем немножко рекламы, а, Нивиц? Скажем, так: красотка швыряет свою сигарету «Кэмел» и закуривает нашу немецкую «Глорию».

А в этот момент впереди на дороге появляется — как вы думаете, что? — колонна солдат бундесвера. Представляете, Нивиц, как шикарно это будет выглядеть на широком экране? Шагают молодец к молодцу, поют бодрую походную песню. «К черту проклятую негритянскую музыку!» — говорит красотка, выключая приемник, и подъезжает вплотную к колонне. Немецкие солдаты — прекрасные парни! Американка сигналит, капитан фон Книзе оборачивается, возникает любовь с первого полувзгляда. Капитан внутренне борется с собой: остановить колонну или не останавливать? Разумеется, побеждает чувство долга. Молодые герои маршируют дальше, красотка едет рядом, пока наконец Книзе не передает командование ротой унтер-офицеру. И тут он обрушивается на нее с бранью. Понимаете, Нивиц, у него истинно германская натура — выдержать характер, чего бы это ни стоило. А девчонка, разумеется, в восторге. Потом взаимные извинения, знакомство, и под перманентом блондинки уже созревает план... Конечно, Монро была бы здесь очень хороша... А кого же взять на роль капитана? Это должен быть настоящий германец, герой с душой воина и семьянина, мужественный, благородный, но в то же время слегка меланхоличный. Дайте-ка подумать, Нивиц... Нет, остается все тот же Борше.

Итак, Борше марширует со своей ротой дальше. В казарме ординарец вручает ему письмо — приглашение от той самой девицы. Они встречаются разок — другой, и тут-то вдруг разражается грандиозный скандал. Оказывается, брат американки и капитан фон Книзе воевали в Италии друг против друга, а Книзе подстрелил тот самый танк, в котором находился его будущий шурин, причем он чуть было не умер от ран. Девчонка, по своей женской природе, решает расстаться с возлюбленным. Вы спрашиваете, как она узнала, что это был именно Книзе? Послушайте, Нивиц, мы же будем делать фильм с наплывами и всякими другими фокусами. Зритель увидит небольшое танковое сражение, немножко геройства, парочку американских пленных. Брат девушки сдается в плен капитану фон Книзе, понимаете? И вот на фотографиях, которые она позднее покажет возлюбленному, он узнает своего бывшего врага...

Короче, они расстаются. Но еще до этого выясняется одна пикантная подробность. Капитан-то, оказывается, старый эсэсовский жеребчик! Он это скрыл, чтобы его приняли в бундесвер. Конечно, он все равно опять стал бы солдатом, но ведь зрителя надо подержать в напряжении. А теперь, Нивиц, эта история с американкой пробуждает в нем совесть. Теперь понимаете, в чем гвоздь? Эсэсовское прошлое героя — это лишь драматургический прием... Что? Какой закон? Ах, закон о приеме бывших эсэсовцев в бундесвер? Ничего, Нивиц, у нас в фильме все происходит за полгода до принятия этого закона. Ведь в том-то и весь трюк: совестливый эсэсовец!

А теперь самый драматический момент: Книзе объявляет, что был эсэсовцем, и его увольняют из бундесвера. Ну, конечно, Нивиц, это неправдоподобно, согласен. Но кто же заметит эту ложь, тем более за границей? Это своего рода патриотическая ложь.

Итак, Книзе уволен. Наплыв. Послевоенная разруха, несправедливые преследования, бедняга Книзе трудится на какой-то стройке, своими руками зарабатывает себе на хлеб. Пять минут неореализма не повредят фильму. Но наконец-то наступает великий день — Книзе снова надевает мундир. Кстати, мимоходом можно вклеить наше экономическое чудо. Пусть тогда кто-нибудь скажет, что у нас нет чувства времени!..

Итак, в жизни Книзе наступает счастливейший день. Рекруты дали клятву верности своему капитану. Они потребовали, чтобы им вернули их ротного командира. Вот она, германская верность, Нивиц! И Книзе возвращается.

Духовой оркестр исполняет песню «Старые товарищи», солдаты встречают своего командира громовым «ура». Книзе растроган. Крупным планом дадим такой кадр: скупая слеза медленно сползает по мужественному лицу героя...

Но наш счастливый конец должен затмить все, что мы до сих пор видели на экранах. В «День солдата» в гарнизоне устраивают праздник. Книзе произносит торжественную речь, и как раз в это время появляется — угадайте, кто! — да, да, Нивиц, та самая роскошная блондинка вместе со своим братцем, который одет в форму американского полковника. Почему же нелогично, Нивиц? Часть, где служит полковник, расположена по соседству, а к тому же они теперь считаются нашими товарищами по оружию. Забыв о торжественности момента, Книзе прерывает свой монолог и втаскивает обоих на трибуну. Германская и американская армии кидаются друг другу в объятия. Зал содрогнется от бури оваций и могучего «ура». Это ли не символ западного единства, Нивиц?

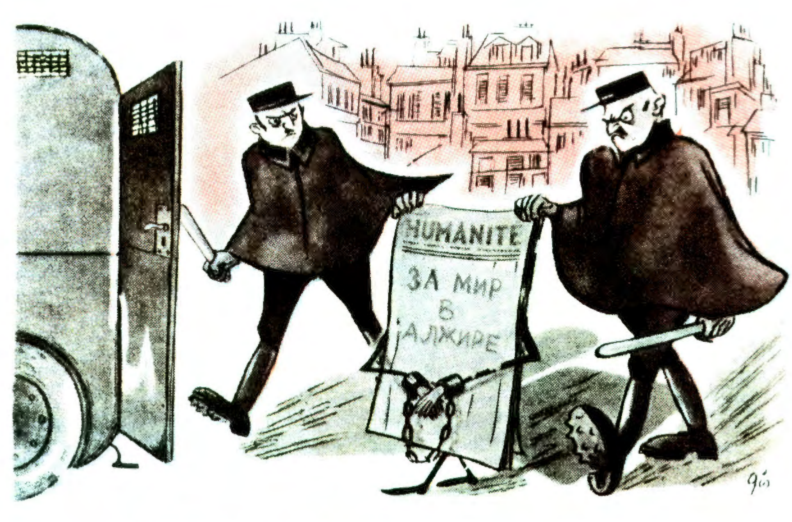
В этот же вечер празднуется обручение. Затем наша камера — в церкви, где уже происходит венчание. Аминь. Счастливая пара покидает церковь. Детский хор поет «Аве Мария», сводный немецко-американский оркестр наигрывает что-то веселенькое, рота трижды салютует залпами, и знаменитые старинные андернахские колокола разносят радостную весть над всей немецкой землей...

Эта заключительная красочная картина будет возбуждать возвышенные чувства, Нивиц. Наш фильм станет гвоздем сезона. Позвоните Борше и подготовьте заметку для газет. Напишите: смелое вторжение в неизведанные области киноискусства и так далее. Словом, действуйте!

Из журнала «Дер дейче Михель» (ФРГ). Перевел с немецкого В. БОЕВ.

* Андернах — город в Западной Германии, где были сформированы первые части бундесвера.

Рисунок Гизи Сече из венгерского сатирического журнала «Лудаш Мати».

Еще одна «победа» французских властей.

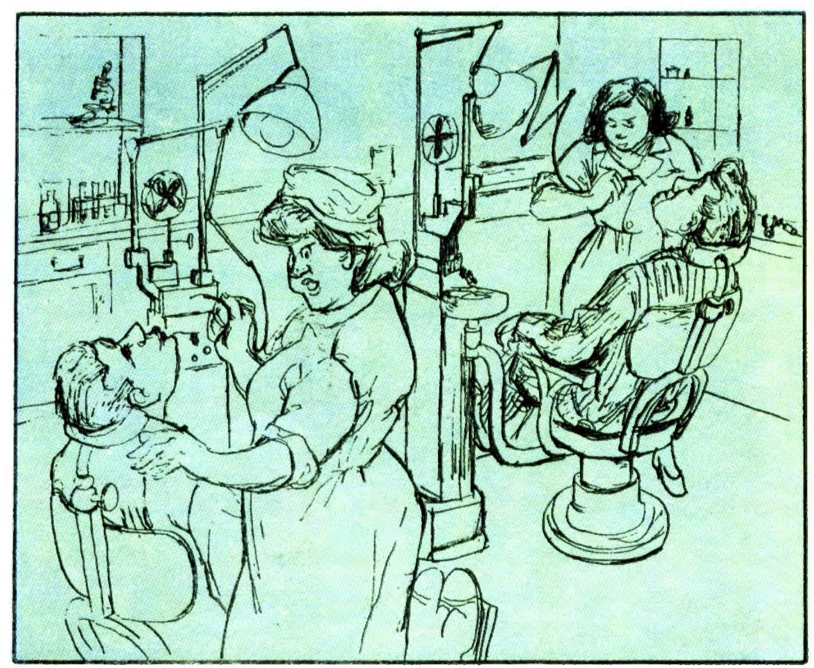
Крокодильская смесь

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

— Безобразие, у моего кабинета растет простая береза! Немедленно смените ее на карельскую!

Рисунок Б. САВКОВА.

ВРАЧ: — Откройте рот!

ПАЦИЕНТ: — Закройте рот!

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА.

Не место красит человека... а человек — место.

СКАНДАЛ В БЛАГОРОДНОМ СЕМЕЙСТВЕ

Рисунок Е. ШУКАЕВА.

— **Дорогой Иван Иванович, устрой сына у себя в главке!**

— **Пожалуйста!**

— **Итак, за удачное назначение!..**

. . . .

Канитель

Утро в доме отдыха «Березки» началось по давно сложившемуся порядку. По дорожкам потянулись в столовую пижамы и цветастые халаты... На столиках ожидали отдыхающих розовые кусочки ветчины, художественно оформленные ломтиками соленых огурцов. Потом подали консервы из дальневосточной камбалы в томате и жареные пирожки с мясом.

После завтрака молодежь побежала захватывать лодки, а более солидная публика, отяжелев от пирожков, уселась в шезлонги на краю обрыва, откуда открывался вид на широкую, полноводную реку.

Костя, бывший моряк, а теперь, в «Березках», культурник и баянист, где-то в парке уже напевал свой любимый романс:

Дорогой длинною, погодой лунною
Да с песней той, что вдаль летит, звеня...

В общем, день был как день... И вдруг приехал из города врач. Он прежде всего прошел в столовую. Убедившись в белоснежности кухни, попросил меню.

— Однообразно кормите. Обильно, жирно и однообразно,— сказал он мрачно, словно поставил диагноз тяжелобольному.— Рыбу надо давать свежую, овощи. Ну, овощей еще нет, а рыба?

К обеду эти золотые слова уже облетели всех отдыхающих. И сразу обнаружилось, что у одного подагра, у другого ожирение, у третьего стонет печень. Когда же на второе подали свиные отбивные, возмущение достигло высшей точки. Потребовали сестру-хозяйку, сестра-хозяйка обратилась к директору, директор вызвал завхоза. Вопрос был поставлен ребром: почему в одном из лучших домов отдыха не могут приготовить рыбных блюд, когда рыба рядом, в реке, и большая и малая, ловится в сети рыболовецкой бригады?

Новый энергичный завхоз Галочкин твердо ответил директору:

— Достану, Иван Сергеевич. Обязательно достану.

Услыхав пыхтение рыболовецкого катерка, Галочкин прыгнул в лодку и, налегая на весла, отправился вслед. Когда он подъехал, бригада, причалив к берегу свои лодки, уже сделала первую тоню. Рыбаки, стоя в воде, тянули невод. В нем серебрились судаки и громко вздыхали отливающие бронзой широкие, как подносы, лещи. Их вываливали на дно лодки.

— Хороша рыбка! — залюбовался Галочкин.

Но тут же выяснилось, что продавать ее бригада не имеет права. Надо взвесить, зарегистрировать. Это делает приемщик в селе Быкове.

Галочкин не был из тех завхозов, что ищут лазеек в обход закона. Он сел в свою лодку и направился в Быково.

Приемщик, молодой парень, сказал:

— Как же я тебе, браток, отпущу рыбу? Мне ее положено сдавать по накладным.

— Так ведь и я по накладной прошу. И договор честь по чести подпишем, хоть на весь год. Прямо из реки свежую рыбку в дом отдыха. Красота!

— Не имею никакого полного права. Завтра катер от рыбзавода придет. Я с ним должен каждый хвост отправить.

На другой день Галочкин сел в старенький «Москвичок» и, весело насвистывая, отправился на рыбзавод.

Самым удивительным было то, что никакого завода не оказалось. Не было ни станков, ни собственной продукции. Зато существовали директор, его зам, бухгалтер, счетоводы, весовщик, кладовщик, сторожа и пр. Чем же все они занимались? Получали свежую рыбу, взвешивали, записывали и переправляли на базу. Бодро стучали машинки, с энтузиазмом скрипели перья. У счетоводов и кладовщика был цветущий вид.

«А неплохо кормит их всех судачок»,— устало подумал Галочкин, когда и здесь узнал, что отпустить ему товар «завод» не имеет права. Это может сделать только центральная база.

Галочкин вернулся домой побледневший и какой-то рассеянный. Есть ему не хотелось, хотя он в этот день не обедал. Он пораньше лег спать, чтобы завтра на рассвете успеть на поезд.

На другое утро он приехал в город к началу занятий и, поднимаясь в лифте на девятый этаж, снова почувствовал прилив жизнерадостности. Теперь наконец как гора с плеч. Завтра можно будет написать в меню: «судак по-польски» или «рыбная солянка».

Но на девятом этаже выяснилось, что центральная база никак не может заниматься распределением товара по разным мелким точкам. Главное занятие центральной базы — планировать и направлять. А когда здесь получат рыбу, о которой хлопочет Галочкин, она после взвешивания и записи в приходо-расходной книге будет направлена на районные базы.

Кажется, впервые в жизни Галочкин пожалел, что не выбрал какую-нибудь другую профессию,—скажем, культурника. Может быть, он демонстрировал бы сейчас отдыхающим «Опыты по отгадыванию мыслей» или в крайнем случае устраивал бы «Литературные викторины». И никаких хлопот. Все ясно. А тут сам черт ногу сломит!

К себе в «Березки» Галочкин теперь пробирался, дождавшись темноты, боясь встретиться с людьми. Что он может им сказать? Как объяснить эту канитель? Пообещать, что завтра наконец привезет долгожданную рыбу?.. А где гарантия, что завтра районная база не пошлет его по новым инстанциям?..

Но вот наступил все-таки день, когда перед дверью в кухню остановился запыхавшийся грузовичок и осунувшийся завхоз вытащил корзину.

Где же друг-культурник Костя? Почему он не играет туш победителю? Нет, Галочкин малодушно подъехал потихоньку, с черного хода. Дело в том, что от корзины как-то подозрительно попахивает и лучше, чтобы никто этого не заметил.

Шеф-повар принял корзину, многозначительно покрутив носом, вывалил рыбу на сияющий кухонный стол. И тут же поспешил распахнуть окно...

Галочкин вышел на свежий воздух и прошел к обрыву. Внизу текла могучая, полноводная река... И маленький катерок, фыркая, тащил ладьи, нагруженные свежим живым серебром.

— «Дорогой длинною...» — трагически выводил Костя.

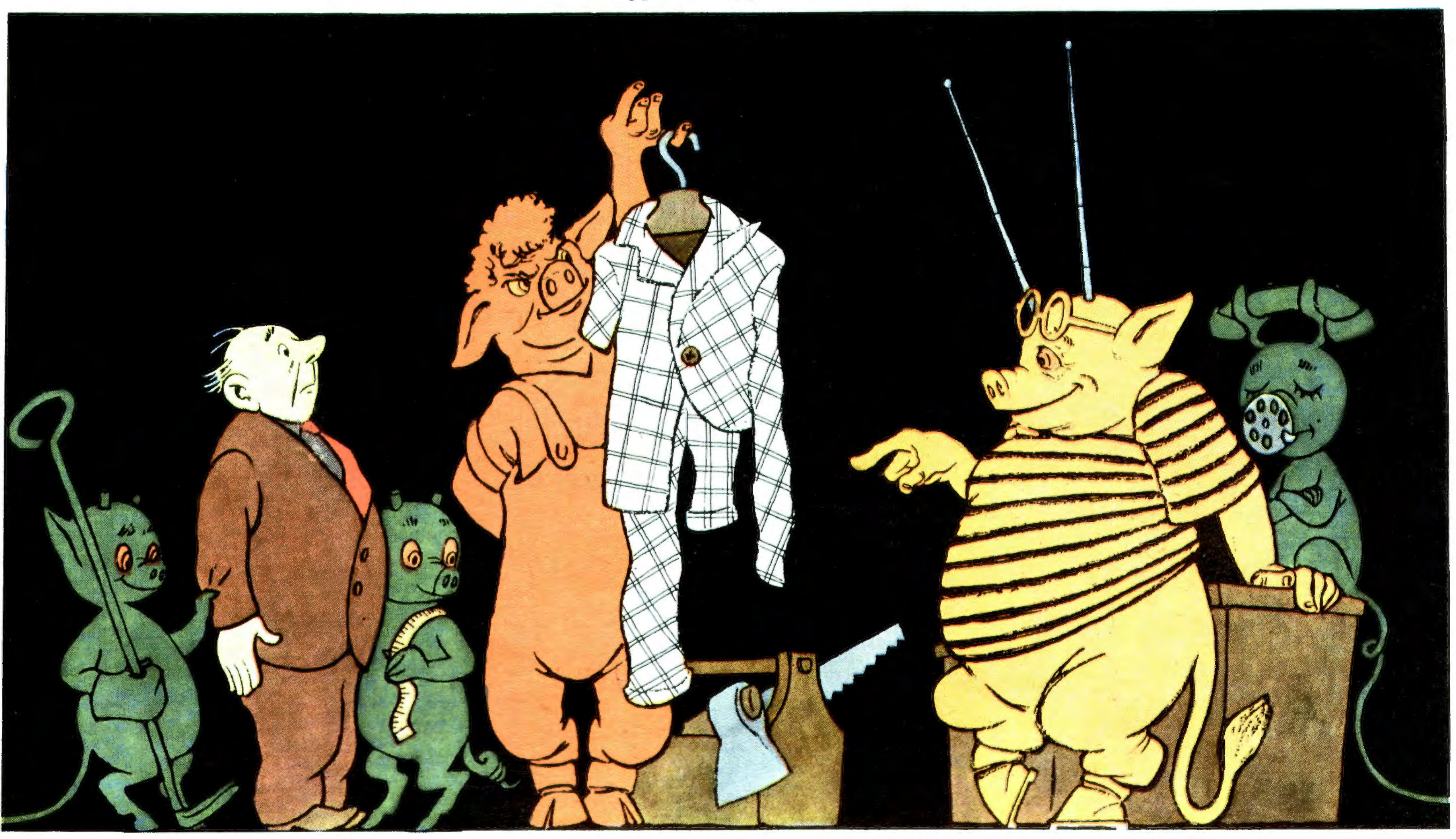
* * *

Пусть не подумает читатель, что трагические злоключения Галочкина — плод творческой фантазии авторов.

Ничего подобного! Точно такую картину можно наблюдать в доме отдыха на берегу Пестовского водохранилища Московской области. И, как рассказывают сведущие люди, не только там...

В. ПОТЕМКИНА,
Х. ХЕРСОНСКИЙ

БРАКОДЕЛ В АДУ Рисунок Е. ГУРОВА.

— А этого за грехи подогнать под размер выпущенной им продукции...

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Если бы ты случайно зашел в Николаевский Дом народного творчества и заглянул в одну из комнат, ты не поверил бы ни глазам, ни ушам своим.

В небольшой комнатушке сидят двадцать четыре человека с баянами в руках, и каждый старательно, силясь переиграть соседа, наигрывает свою мелодию: один — «Барыню», другой — «Солнце низенько», третий — «Лявониху», четвертый — «Сулико», и т. д., и т. п. И выскочишь ты опрометью из комнаты, в ужасе воскликнув:

— Бред какой-то! Чушь! Сапоги всмятку!

А вот и не бред. И не сапоги всмятку. Так мы, посланцы колхозов, учимся на курсах баянистов-хормейстеров — будущих руководителей сельской художественной самодеятельности. Учимся четыре раза в неделю по восемь часов!

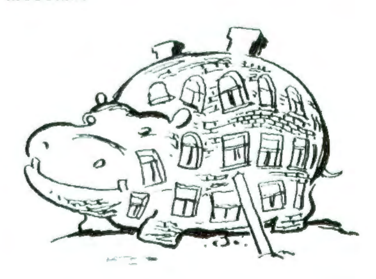
Даже дирекция Дома вынуждена была признать, что условия для занятий у нас никак нельзя назвать нормальными. И она даже обещала принять какие-то меры. Но... время идет, а нежная «Сулико», как и прежде, страдает от соседства с развеселой «Лявонихой», а «Матрос Железняк» продолжает конфликтовать с «Барыней».

Не поможешь ли ты расселить эту милую, но шумную компанию?

Колхозные баянисты Вл. КОРЖ, А. КРАВЧЕНКО, В. ДРАЧ и другие (19 подписей).

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Выдь на Волгу, как сказал великий русский поэт, и окинь взором живописную панораму города Казани. Ты увидишь не только прекрасный Кремль, но и большое здание угрюмого и безобразного вида. Местные жители довольно метко назвали его «бегемотом».

Что же представляет собой «бегемот» при ближайшем рассмотрении? В его недрах, кроме нескольких десятков квартир, находятся Государственный музей Татарии, Книжная палата, Научная библиотека и телецентр. А на облезлом, обшарпанном фасаде рядом с вывесками этих солидных учреждений красуется фанерная доска с многозначительной надписью: дескать, граждане прохожие, держитесь от дома подальше, а то может пристукнуть кирпичом или куском штукатурки. Да, — увы! — пристанище республиканского музея, само уже ставшее «музейной достопримечательностью» города, тихо и неуклонно разваливается.

Вот уже много лет — на бумаге и в пылких речах деятелей горисполкома — обветшалого «бегемота» сносят, а на его месте воздвигают новый, красивый многоэтажный дом. Но, видимо, одной силы слова и силы канцелярского пера для такой работы немного маловато...

В. ДЬЯКОНОВ, директор Госмузея Татарии.

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), А. Н. ВАСИЛЬЕВ, В. Н. ГОРЯЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37. Прием ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 00798. Изд. № 558. Подписано к печати 28/IV 1957 г. Формат бум. 70×108⅛. Заказ № 1167. Тираж 1 000 000 экз. 1 бум. л.— 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

— Вы почему отворачиваетесь!
— Не люблю, знаете ли, вспоминать о прошлом...